УДК 343

ПРОВОКАЦИЯ И ИНСЦЕНИРОВКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА И ОТГРАНИЧЕНИЕ ОТ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ

канд. юрид. наук А.А. СЁМИН
(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)

С учетом сравнительного анализа норм законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации рассматриваются существующие в настоящее время подходы к понятию и правовой оценке провокации преступления и инсценировки совершения преступления. Выделяются признаки, позволяющие отграничить данные деяния от оперативно-розыскных мероприятий. При определении критериев правомерности оперативно-розыскных мероприятий предлагается исходить из степени реализации лицом, в отношении которого осуществляется мероприятие, своего преступного замысла. Делается вывод о невозможности квалификации провокации к совершению преступления в рамках института соучастия и наличии пробела в правовой оценке инсценировки совершения преступления (за исключением случаев инсценировки получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа). Обосновывается необходимость введения норм об ответственности за провокацию преступления и инсценировку его совершения в Особенную часть Уголовного кодекса.

Введение. Одной из наиболее действенных мер в предупреждении, выявлении и пресечении преступлений с высокой степенью латентности, таких как незаконный оборот оружия, наркотиков, коррупционные преступления, преступления, совершаемые в составе организованных групп или преступных организаций и т.д., является проведение оперативно-розыскных мероприятий. Ведущая роль здесь отводится таким негласно проводимым мероприятиям, как проверочная закупка и оперативный эксперимент, которые в самом общем своем понимании заключаются в искусственном создании ситуации (обстановки), позволяющей лицу реализовать свои преступные намерения под контролем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, и таким образом получить доказательства совершения преступления. Вместе с тем при осуществлении оперативно-розыскной деятельности соответствующим органам и должностным лицам запрещается фальсифицировать ее результаты либо подстрекать (провоцировать) граждан к совершению противоправных действий (ч. 7 ст. 6 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности»). Поскольку указанные деяния имеют определенное сходство с упомянутыми выше правомерными оперативно-розыскными мероприятиями, в частности, также связаны с искусственным созданием определенной ситуации или обстановки, существует необходимость в их разграничении.

Основная часть. В юридической литературе проблема данного разграничения носит острый дискуссионный характер [1 – 3, 5]. Во многом это связано с отсутствием единой точки зрения при определении понятий «провокация преступления» и «инсценировка преступления». Неоднозначно решается и вопрос о правовой оценке действий лиц, спровоцировавших преступление либо инсценировавших его совершение. Кроме того, подавляющее большинство публикаций обращается к обозначенному вопросу лишь применительно к случаям взяточничества. Нерешенность указанной проблемы на практике приводит к неоправданному отказу оперативных сотрудников от проведения соответствующих мероприятий ввиду опасений быть обвиненными в незаконных действиях либо, наоборот, в злоупотреблении по службе, когда проводимые под видом оперативно-розыскных мероприятий деяния имеют признаки провокации преступления либо фальсификации доказательств его совершения. В Беларуси провокация преступления не имеет законодательного определения.

Толковый словарь С.И. Ожегова определяет провокацию как «предательское поведение, подстрекательство кого-нибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия» [6, с. 525]. Соответственно, провокация подразумевает воздействие на сознание и волю какого-либо лица с целью возбуждения у него желания совершить действие, способное повлечь неблагоприятные для подстрекаемого последствия. Именно в таком этимологическом значении провокация употреблялась в первых советских уголовных законах и была затем воспринята теорией уголовного права. Так, статья 115 Уголовного кодекса (УК) РСФСР 1922 года определяла провокацию взятки как «заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение взятки, в целях последующего изобличения дающего взятку» [7]. Статья 119 УК РСФСР 1926 года [8] и статья 209 УК БССР 1928 года [9], исходя из аналогичного толкования объективных признаков провокации, устанавливали ответственность за провокацию не только дачи взятки, но и ее получения. Более позднее советское уголовное законодательство (УК Республики Беларусь 1961 г., УК РСФСР 1960 г.) не содержало специальных норм об ответственности за провокацию какого-либо преступления (исключение составил лишь УК УССР 1960 г., где норма об ответственности за провокацию взятки была сохранена). Однако было общепризнанным, что

«провокатор склоняет к совершению преступления, чтобы затем изобличить преступника», а «все случаи провокационной деятельности должны квалифицироваться на общих основаниях, то есть как подстрекательство к соответствующему преступлению» [10, с. 619].

Нельзя не отметить очевидное преимущество такого единого подхода в оценке подстрекательской деятельности: вряд ли можно утверждать, что провокация взяточничества более опасна, чем провокация убийства, изнасилования, незаконного оборота наркотиков, оружия и т.п. Как справедливо в свое время отметил Верховный Суд СССР, «каковы бы ни были мотивы, побудившие лицо прибегнуть к провокации преступления, она составляет уголовно наказуемое действие, так как самый способ изобличения, заключающийся в подстрекательстве к совершению преступления, является общественно опасным и поэтому должен влечь уголовную ответственность лица, которое к нему прибегло» [10, с. 619].

В современном законодательстве Российской Федерации определение провокации встречается в двух нормативных правовых актах. Часть 8 статьи 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет провокацию как подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, что отражает традиционный подход к данному понятию [11]. В статье 304 УК Российской Федерации предусматривается ответственность лишь за провокацию взятки либо коммерческого подкупа, под которой понимается попытка передачи должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа.

Очевидно, что указанные определения неравнозначны, что не может не служить источником дискуссий. Следует отметить также, что формулировка провокации взятки либо коммерческого подкупа в статье 304 УК Российской Федерации имеет очевидное сходство с описанием инсценировки получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа в статье 396 УК Республики Беларусь (далее – УК). Последняя определяется как «передача должностному лицу, работнику государственного органа либо иной государственной организации, не являющемуся должностным лицом, или работнику индивидуального предпринимателя либо юридического лица денег, ценных бумаг, иного имущества либо оказание услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа». Свидетельствует ли это о том, что понятие провокации преступления и его инсценировки совпадают?

При толковании нормы статьи 304 УК Российской Федерации в настоящее время можно выделить два подхода. *Первая точка зрения* исходит из традиционного понимания провокации преступления, в соответствии с которым попытка передачи потерпевшему без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера направлена на получение этого согласия, т.е. на возбуждение у данного лица желания принять незаконное вознаграждение [5, 12 – 14]. Как отмечает Б. Волженкин, «определение провокации взятки и коммерческого подкупа в статье 304 УК как “попытки передачи” вовсе не означает отсутствие данного состава преступления, если провокация удалась и передача ее предмета состоялась. Используя такое описание преступления, законодатель просто переносит момент окончания преступления на более раннюю стадию, не связывая, таким образом, состав провокации взятки или коммерческого подкупа с той или иной реакцией провоцируемого лица» [12, с. 44 – 45]. «Провокация взятки является оконченным преступлением, – отмечает Н.Ф. Кузнецова, – независимо от того, удалось ли в провокационных целях склонить должностное лицо к принятию денег, ценных бумаг, иного имущества или услуг имущественного характера, передаваемых ему якобы в качестве взятки» [15, с. 322]. Достоинством описанной точки зрения в российских реалиях является не только соответствие наименования преступления его описанию в тексте статьи, но и признакам провокации, указанным в части 8 статьи 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». *Вторая точка зрения* включает в анализируемый состав «лишь такие действия, в которые не входит получение согласия должностного лица на принятие ценностей или имущественных услуг» [1; 16 – 21]. Как утверждает П. Яни, «при провокации фактически, технически, так сказать, ценности могут не передаваться непосредственно должностному лицу (помещение их в отсутствие должностного лица в его стол в рабочем кабинете), быть переданы в обладание чиновника без его ведома (открытие счета на имя должностного лица и помещение на счет денежных средств), но могут и быть переданы должностному лицу, когда оно принимает их, в результате введения в заблуждение, ошибочно полагая, что получает малоценный подарок или, допустим, возврат долга. Но в любом случае должностное лицо не выражает согласия на принятие ценностей или имущественных услуг в качестве взятки» [21, с. 32]. В такой трактовке провокация взятки либо коммерческого подкупа рассматривается как частный случай фальсификации доказательств и нередко как преступление, аналогичное по своим признакам инсценировке получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа (ст. 396 УК) [19, с. 71].

Вторая точка зрения представляется нам менее удачной, поскольку лишена указанных достоинств первой. Неубедительно выглядит и попытка обосновать указанный подход ссылкой на указание Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в соответствии с которым «решая вопрос о наличии состава

данного преступления, суду надлежит проверять, не было ли предварительной договоренности с должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческих или иных организациях, о согласии принять предмет взятки или коммерческого подкупа. При отсутствии такой договоренности и отказе принять предмет взятки или подкупа лицо, пытавшееся вручить названный предмет в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа, подлежит ответственности по статье 304 УК РФ» [22, п. 25]. Но отсутствие предварительной договоренности о согласии принять незаконное вознаграждение вовсе не препятствует совершению действий, направленных на получение такого согласия в процессе вручения предмета преступления.

Примечательно, что исследователи, придерживающиеся данного понимания провокации, сами признают его неудачность, предлагая изменить либо наименование, либо содержание статьи 304 УК РФ [1, с. 15; 19, с. 74]. Однако, будучи неудачной при толковании статьи 304 УК РФ, последняя точка зрения вполне может быть использована при уяснении признаков статьи 396 УК, в наименовании которой не используется термин «провокация». Инсценировать, согласно С.И. Ожегову, значит «притворно изобразить что-нибудь» [6, с. 216]. Соответственно, инсценировка получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа представляет собой имитацию, искусственное создание видимости принятия предмета преступления должностным лицом, работником государственного органа либо иной государственной организации, не являющимся должностным лицом, или работником индивидуального предпринимателя либо юридического лица. В содержание умысла виновного в данном случае не входит получение согласия лица на принятие ценностей или услуг имущественного характера; он действует помимо либо вопреки воле потерпевшего. О правильности такой трактовки, по нашему мнению, свидетельствует и решение законодателя об исключении из текста статьи оговорки «без его согласия» [23, ч. 21], поскольку инсценировка возможна без явно выраженного отказа потерпевшего на получение предмета преступления.

Таким образом, различные наименования статьи 304 УК РФ и статьи 396 УК свидетельствуют и о необходимости различного толкования признаков данных преступлений.

Признавая определенное сходство провокации преступления с подстрекательством к нему, считаем необходимым отметить, что это сходство имеет лишь внешний характер и не учитывает особенностей субъективной стороны содеянного. Как справедливо отмечает С.В. Кугушева, в отличие от подстрекательства «при провокации преступления фактически отсутствует единство умысла лица, ее осуществляющего, и лица, в отношении которого осуществляется провокация» [24, с. 25]. Волевой момент умысла провокатора заключается в стремлении изобличить провоцируемого и не совпадает с волевым моментом совершения преступления в соучастии, который подразумевает желание или сознательное допущение единого для всех соучастников преступного результата. Соответственно провокатора и спровоцированного нельзя считать лицами, совершившими преступление совместно, и оценивать их действия как совершенные в соучастии [1; 5; 19, с. 73].

С указанной точкой зрения косвенно соглашаются и авторы, которые оценивают действия лица, совершившего преступление вследствие провокации, как покушение на преступление [15, с. 322]. Такая квалификация отражает отсутствие у провокатора желания причинить вред объекту уголовно-правовой охраны спровоцированного им преступления и стремления допустить совершение преступления. Он желает лишь получить доказательства его совершения. Это позволяет признать необоснованной квалификацию действий провокатора как подстрекателя к совершению преступления и тем самым констатировать пробел в оценке данных действий. Арутюнов предлагает восполнить его путем закрепления в Общей части УК правила о том, что действия провокатора в зависимости от их содержания квалифицируются как действия подстрекателя либо организатора преступления [14, с. 34]. Преимуществом такого решения является возможность дифференцировать ответственность виновного в зависимости от преступления, совершение которого им было спровоцировано.

Однако решение о квалификации в рамках института соучастия представляется не очень удачным ввиду отсутствия в провокационных действиях необходимых для данного института субъективных признаков. Более приемлемым является мнение Н.В. Артеменко и А.М. Миньковой, которые предлагают включить норму о провокации преступления в главу «Преступления против правосудия» Особенной части УК, дифференцировав ответственность виновного в зависимости от категории преступления [4]. Представляется, что это позволит рассматривать провокацию преступления в рамках института прикосновенности к преступлению.

В настоящее время действия провокатора подлежат ответственности лишь в том случае, если наряду с собственно провокацией лицо совершило иное преступление. Например, действия сотрудника правоохранительного органа, спровоцировавшего совершение преступления при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, содержат признаки превышения власти или служебных полномочий (ст. 424 УК), провокация незаконного оборота наркотиков может быть связана с совершением соответствующего преступления против здоровья, провокация незаконных действий в отношении оружия – содержать признаки соответствующего преступления против общественной безопасности и т.д.

Выше обсуждалось, что действия лица, ставшего жертвой провокации, некоторыми авторами рекомендуется квалифицировать как покушение на соответствующее преступление. Однако такой вариант правовой оценки представляется нам приемлемым лишь в том случае, когда действия провоцируемого с самого начала находились под контролем соответствующего правоохранительного органа, и он был задержан непосредственно после совершения преступного деяния. Такая квалификация отражает, что по причинам, не зависящим от виновного, содеянное им было лишено свойства общественной опасности (при этом возможность привлечения данного лица к уголовной ответственности является маловероятной, поскольку согласно части 5 статьи 105 УПК Республики Беларусь доказательства, полученные с нарушением закона не могут быть положены в основу обвинения). При отсутствии контроля, например, когда провокатор действовал с намерением сообщить о содеянном уже после того, как преступление будет совершено, спровоцированное лицо должно быть привлечено к ответственности без ссылки на часть 1 статьи 14 УК.

Решая вопрос о квалификации действий лица, инсценировавшего совершение преступления, следует учитывать специальную норму об инсценировке получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа (ст. 396 УК). В иных случаях лицо, инсценировавшее совершение иного преступления и сообщившее об этом преступлении в компетентный орган, должно привлекаться к ответственности за заведомо ложный донос, соединенный с искусственным созданием доказательств обвинения (ч. 2 ст. 400 УК). Представляется, что по части 2 статьи 400 УК могут быть привлечены и сотрудники правоохранительного органа, выступившие инициаторами привлечения потерпевшего к уголовной ответственности. В последнем случае заведомо ложный донос находит свое выражение в подготовленных ими первичных служебных документах, содержащих ложную информацию о преступлении, которое якобы имело место, и послуживших поводом для возбуждения соответствующего уголовного дела. Кроме того, в действиях указанных сотрудников усматриваются признаки превышения власти или служебных полномочий (ст. 426 УК) [12, с. 44].

В тех случаях, когда лицо не обращалось с заведомо ложным сообщением в компетентный орган, рассчитывая, например, что о мнимом преступлении станет известно каким-либо иным образом, или действовало с намерением шантажа потерпевшего, мы вынуждены констатировать пробел в правовой оценке содеянного. Некоторые авторы предлагают оценивать данные действия как фальсификацию доказательств по статье 395 УК [2, с. 50; 12, с. 44]. Данную точку зрения нельзя признать правильной, поскольку несмотря на совпадение объективных признаков инсценировки преступления и фальсификации доказательств, которое уже оговаривалось выше, привлечение к ответственности по статье 395 УК возможно лишь при наличии возбужденного уголовного дела и лишь лиц, тем или иным образом причастных к его расследованию.

Круг преступлений, которые могут стать предметом инсценировки, достаточно широк: убийство, фальшивомонетничество, незаконный оборот наркотиков, оружия и т.д. Поэтому введение ответственности лишь за инсценировку получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа представляется нам не совсем логичным шагом. Считаем, что глава «Преступления против правосудия» Особенной части УК должна быть дополнена нормой, предусматривающей ответственность за инсценировку совершения любого преступления.

Определив сущностные характеристики провокации преступления и инсценировки его совершения, а также особенности квалификации данных деяний, попытаемся провести их отграничение от правомерных оперативно-розыскных мероприятий. Если суть провокации заключается в искусственном создании условий, которые формируют у лица желание совершить преступление, то правомерное оперативно-розыскное мероприятие состоит в искусственном создании условий, позволяющих лицу проявить уже имеющиеся у него преступные намерения. Инсценировка же выражается в искусственном создании доказательств преступления, которое в действительности данным лицом не совершалось. Поэтому при наличии у органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, доказательств того, что какое-либо лицо начало предварительную преступную деятельность (желает реализовать (ранее реализовывало) имеющиеся у него наркотики, оружие, другие предметы, изъятые из гражданского оборота, подбирает исполнителя для убийства по найму и т.п.) и есть все основания полагать, что данное лицо намерено довести преступление до конца, – инициатива не только вполне допустима, но и желательна [2, с. 50]. Например, действующий негласно сотрудник правоохранительного органа может показать свою готовность приобрести указанные выше предметы, совершить убийство по найму, обратиться к лицу с вопросом о наличии оружия либо наркотиков и т.п. В противном случае лицо попытается реализовать свои преступные намерения в иных обстоятельствах и с иными лицами, а значит задачи оперативно-розыскной деятельности не будут достигнуты. Вместе с тем, как правильно отмечает В.В. Бачила, действия сотрудников, проводящих соответствующее мероприятие, не должны ограничивать свободу лица в выборе: совершить преступление или отказаться от его совершения [25, с. 57]. В первую очередь это должно выражаться в отсутствии стимулов, способных существенным образом влиять на выбор в пользу совершения преступления: ситуация не должна значительно отличаться от обычной в таких случаях. Так, недопустимы предложения приобрести наркотик по цене, существенно превышающей цену на «черном» рынке, совершить убийство по найму за минимальную плату, дать взятку в размере, превышающем обычную «таксу» лица и т.п.

Иной представляется ситуация проведения оперативно-розыскного мероприятия при отсутствии достаточных доказательств, свидетельствующих о предварительной деятельности лица, направленной на совершение какого-либо преступления (например, при наличии информации о событиях или действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь, обнаружении лицом лишь умысла на совершение преступления). В данной ситуации совершение действий, которые могут оцениваться как побуждающие лицо к совершению преступления, должно быть полностью исключено. Как правильно отметил Б. Волженкин, проведение оперативно-розыскного мероприятия при данных обстоятельствах может заключаться в «простом предоставлении возможности совершить преступление» [12, с. 45]. Так, для изобличения потенциального взяткодателя допустимым является «выражение участниками оперативного эксперимента одной лишь заинтересованности в употреблении проверяемым предоставленных ему полномочий» [1, с. 15]. Аналогично, «не возникнет сомнений в правомерности действий работников отделов собственной безопасности подразделений милиции, когда они на глазах у инспектора ГИБДД сознательно нарушают правила дорожного движения, чтобы проверить, как последний поведет себя в данной ситуации» [12, с. 45].

С точки зрения теории отличительные черты инсценировки преступления столь ясны, что необходимость в ее отграничении от правомерного оперативно-розыскного мероприятия, на первый взгляд, представляется излишней. Однако на практике, при «умелой» организации инсценировка может выглядеть весьма убедительно. Поэтому мы считаем, что результаты любого правомерно проведенного оперативно-розыскного мероприятия должны соответствовать требованию очевидности: недвусмысленно отражать желание лица, в отношении которого было осуществлено мероприятие, совершить вменяемое ему преступление. Например, для привлечения к ответственности за получение взятки виновный не только должен фактически принять вручаемые ему материальные ценности, но и каким-либо образом проявить свою осведомленность о том, за что именно эти ценности вручаются; для привлечения к ответственности за сбыт наркотических средств должен быть не только зафиксирован факт передачи предмета преступления, но и каким-либо образом подтверждена осведомленность лица о том, что оно сбывает именно наркотическое средство и т.п.

Заключение. При определении понятий «провокация преступления» и «инсценировка преступления» наиболее обоснованно исходить из этимологического значения слов «провокация» и «инсценировка». Приходится констатировать, что в правовой оценке провокации и инсценировки преступления существуют пробелы, разрешение которых возможно лишь на законодательном уровне, например, путем введения в главу 34 Особенной части УК норм об ответственности за данные деяния.

При отграничении провокации преступления от оперативно-розыскного мероприятия следует исходить из того, что последнее призвано фиксировать преступное поведение лица, обусловленное его самостоятельным волевым решением, в то время как провокация направлена на формирование данного волевого решения. При инсценировке же намерение лица совершить преступления отсутствует вовсе, а преступное деяние имитируется. Поэтому при наличии доказательств предварительной (либо предшествующей) преступной деятельности лица, свидетельствующих о сформировавшемся желании совершить преступление, действия по изобличению данного лица в рамках соответствующего оперативно-розыскного мероприятия могут носить инициативный характер с тем, чтобы обеспечить реализацию преступного умысла под контролем правоохранительного органа, а не в ином месте или иной обстановке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борков, В. Провокация взятки или допустимый оперативный эксперимент / В. Борков // Уголовное право. – 2004. – № 1. – С. 14 – 15.
2. Бранчель, И. Оперативный эксперимент: исключить провокацию преступления / И. Бранчель, О. Благаренко // Законность и правопорядок. – 2007. – № 3. – С. 46 – 50.
3. Крюков, В.Н. Об отграничении оперативного эксперимента от провокации и инсценировки по делам о взяточничестве / В.Н. Крюков // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2006. – № 1. – С. 114 – 117.
4. Артеменко, Н.В. Проблемы уголовно-правовой оценки деятельности посредника, провокатора и инициатора преступления в уголовном праве Российской Федерации / Н.В. Артеменко, А.М. Минькова // Консультант Плюс: Комментарии законодательства [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.
5. Чуркин, А.В. Соотношение оперативного эксперимента и провокации преступления / А.В. Чуркин // Консультант Плюс: Комментарии законодательства [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.
6. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.
7. Уголовный кодекс РСФСР: утв. постановлением ВЦИК, 26 мая 1922 г. – Введ. в действие 1 июня 1922 г. // Консультант Плюс: Документы СССР [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2005.

8. Уголовный кодекс РСФСР: утв. постановлением ВЦИК, 22 нояб. 1926 г. – Введ. в действие 1 янв. 1927 г. // Консультант Плюс: Документы СССР [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2005.
9. Уголовный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики: утв. ЦИК БССР, 23 сент. 1928 г. – Введ. в действие 15 нояб. 1928 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства БССР. – 1928. – № 30. – Ст. 288.
10. Курс советского уголовного права: в 5 т. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1968 – 1981. – Т. 1: Часть общая / М.Д. Шаргородский [и др.]; отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский, 1968. – 646 с.
11. Об оперативно розыскной деятельности: Федер. закон, 12 авг. 1995 г., № 144-ФЗ: в ред. Федер. закона от 26 дек. 2008 г. // Консультант Плюс: Версия Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.
12. Волженкин, Б.В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? / Б.В. Волженкин // Рос. юстиция. – 2001. – № 5. – С. 43 – 45.
13. Говорухина, Е.В. Понятие и правовые последствия провокации в уголовном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.В. Говорухина. – Ростов н/Д, 2002. – 30 с.
14. Арутюнов, А. Провокация преступления / А. Арутюнов // Рос. следователь. – 2002. – № 8. – С. 33 – 34.
15. Общая характеристика главы о преступлениях против правосудия // Новое уголовное право России. Особенная часть: учеб. пособие / Г.Н. Борзенков [и др.]; под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. – 391 с.
16. Егорова, Н. Провокация взятки либо коммерческого подкупа / Н. Егорова // Рос. юстиция. – 1997. – № 8. – С. 26 – 29.
17. Мансуров, О.А. Уголовно-правовые меры борьбы с провокацией взятки либо коммерческого подкупа: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.А. Мансуров; Акад. управления МВД России. – М., 2001. – 24 с.
18. Мишин, Г. Борьба со взяточничеством: некоторые направления совершенствования уголовной политики / Г. Мишин // Уголовное право. – 2000. – № 3. – С. 75 – 80.
19. Побрызгаева, Е. Вопросы квалификации провокации взятки либо коммерческого подкупа / Е. Побрызгаева, С. Бабыч // Уголовное право. – 2006. – № 5. – С. 70 – 74.
20. Радачинский, С. Провокация как обстоятельство, исключающее преступность деяния / С. Радачинский // Уголовное право. – 2009. – № 2. – С. 65 – 69.
21. Яни, П. «Проверка на честность», или уголовно-правовые основания выявления взяточничества / П. Яни // Законность. – 2007. – № 1. – С. 32 – 37.
22. О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 10 фев. 2000 г., № 6: в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 06 фев. 2007 г. // Консультант Плюс: Версия Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.
23. О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам уголовной ответственности и оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2009 г., № 42-З // Нац. реестр правов. актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 173. – 2/1594.
24. Кугушева, С.В. Провокация преступления: проблемы уголовно-правовой квалификации / С.В. Кугушева // Рос. следователь. – 2005. – № 10. – С. 25 – 26.
25. Бачила, В. Оперативно-розыскное мероприятие «оперативный эксперимент»: теория и практика / В. Бачила // Судовы веснік. – 2007. – № 3. – С. 54 – 59.

Поступила 30.07.2010

PROVOCATION AND CRIME PERFORMANCE: CONCEPT, LEGAL ESTIMATION AND DELIMITATION FROM OPERATIVELY-SEARCH ACTION

D. SIOMIN

Taking into account the comparative analysis of norms of the legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation approaches existing now to concept and a legal estimation of provocation of a crime and a dramatization of crime are considered. The signs are sorted out, allowing to delimit the given acts from operative actions. At definition of criteria of legitimacy of operative actions it is offered to start with the degree of realization of the criminal plan by the person in whose relation the action is carried out. The conclusion is made about impossibility of qualification of instigation to commission of crime within the limits of institute of accompliceship and a presence of a legal gap in the estimation of a dramatization of crime (except for cases of a dramatization of reception of a bribe, illegal reward or commercial payoff). Necessity of introduction of norms into the Special part of the Criminal code about responsibility for provocation of a crime and a dramatization of its commission is proved.